

ОКОЛО ДОМА СТАНИСЛАВСКОГО

Кульбаба - 1995 - 18 февр. - с. 8

ВЕСЕЛЫЕ НИЩЕ

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ ЮРИЯ ПОГРЕБНИЧКО

Стиль режиссера Ю. Погребниченко хорош своей непритязательностью. Его последняя премьера — «ностальгическое кабаре «Русская тоска» — верх режиссерской скромности; там действие идет словно само по себе, а постановщик деликатно тушует, изредка заглядывая на сцену. Один номер сменяется другим, наша шарманка крутится безостановочно, мы тут будем петь, пока вам не надоест хлопать.

Наши аплодисменты и смех кое-как организуют время спектакля, заставляя актеров чинно раскланиваться по окончании эпизода и резко переключать эмоциональный настрой — слезный на зажигательный. Полутонков здесь не ведают: надры, печаль, веселье разыграны отчетливо, словно простенький в три аккорда аккомпанемент основной теме спектакля — ностальгии.

«Рашн тоска» — пятьдесят центов за билет — давно прижилась в театре «около дома Станиславского». На потеху своей постоянной аудитории, интеллигентной и небогатой, Погребниченко выставлял самое модное умонастроение последних лет. То умилялся тоске по прошлому, то издевался над ней. Заставлял своих героев в лагерных телогрейках и московшвеевском тряпье вспоминать нечто небывалое — как жили три сестры, как пели битлы. Воспоминание становилось синонимом мечты.

Смехотворность этих мечтаний сполна явлена в «Русской тоске», где девушка Наташа противным голосом распевает романсы и «народные» шлягеры. Такие подборки песен гоняют полночь-заполночь по «Маяку», и строки о том, как отворяли калитку или рвали в саду ягоду, безотказно берут за

душу. Они напоминают о дивном, никогда не бывшем мире, в котором любят до гроба и поют свою любовь на мотив Колмановского. В кратком пересказе «конферансье» Валеры незатейливые сюжеты старых песен веселят публику, однако общее настроение спектакля сложнее. Смех тут мешается со скупой слезой.

Так поют, собравшись вместе в «красный день», уже вычеркнутый из календаря. Праздновать уже нечего, но выпить можно, а согревшаяся душа просит тех песен, которые звучали в детстве. Актеры и зрители с удовольствием играют в семейную вечеринку: недаром «все звезды» доморощенного кабаре выступают под своими именами. Разведет мехи аккордеона Никола (Николай Косенко), «изяжно» наклонит головку его подруга (Наталья Рожкова), поведет рукой в их сторону, приглашая на поклон, ведущий Валера (Валерий Прохоров): вот как мы умеем. Но за их дурашливой неумелостью кроется серьезная вера в необходимость того, что они делают. Нельзя и жить без ритуальных посиделок и заповок — это невысказанное убеждение объединяет сцену и зал.

Так возникает уверенность в том, что есть на свете вечные ценности. Песня про то, как хлопцы распрягали коней. Антураж спектаклей Погребниченко. Его режиссерские хохмы. Хотя бы здесь, на Красной Пресне, ничего не изменилось за годы, потраченные на разрушение старого мира и построение нового. Те же голые кирпичные стены, те же внезапные и долгие паузы, когда актеры оцепенело глядят в пространство, а зрители рассматривают невесту откуда взявшийся на сцене валенок. Или скрипку.

Или что-то непонятное, вроде сломанного прожектора на стене. Как и любой спектакль этого театра, «Русская тоска» дарит радость узнавания — старых трюков, старого тряпья. Вот и зеленое платье Наташи взято напрокат из недавней премьеры «Трех мушкетеров».

Впрочем, вид пообносившихся артистов, одетых явно с чужого плеча, будит не только сентиментальные ассоциации. Эти нищие мастерзінгеры пытаются сбыть по дешевке самое святое — томление загадочной русской души. Тут уж не дружеские посиделки, а концерт в подземном переходе. Тщетное ожидание иностранца, глупого и богатого, которому все это будет внове: перед ним-то мы и пройдемся гоголем, и грязнем от души.

А пока бережем силы. Хлебнув чайку, согревшись на морозе, Валера подойдет к своим и, выждав такт, изобразит чечетку а-ля рюсс. Стукнет пару раз каблучками и опять отойдет в сторонку с тем же каменным лицом. Чего суетиться, и так сойдет.

Мрачноватый социальный колорит оттеняет идиллические отношения сцены и зала. Из мрака на сцену выходит темная личность — новый лирический герой театра Погребниченко. Если раньше все его персонажи смахивали на зеков (внушая зрителю, что и он из той же компании), то сегодня на смену узнику ГУЛАГА пришел болж. Существо, освобожденное от немилосердной государственной опеки, одинокое и оборванное, стоит на углу и распевает «про Марусю». Потом робко и нахально глядит в зал, ожидая аплодисментов. Похлопаем ему. Похлопаем себе.

В. НИКИФОРОВА.